

ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,445
УДК 821.161.1.1(Я. Грантс)

Е. А. Смышляев
E. Smyshlyayev
г. Челябинск, ЮУрГУ
Chelyabinsk, SUSU

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ КНИГИ Я. ГРАНТСА
«БУМЕНЬ. КАЖНИЦЫ. НОМАГА»
ART FEATURES BOOKS J. GRANTS «BUMEN. KAZHNITSY. NOMAGA»**

Аннотация: В статье рассматриваются художественные особенности книги челябинского поэта Я. Грантса «Бумень. Кажницы. Номага». Представлен анализ системы мотивов и образов в лирике автора.

Ключевые слова: мотив; образ; поэтика; художественные особенности.

Abstract: This article discusses the book features art Chelyabinsk poet J. Grants «Bumen. Kazhnitsy. Nomaga». Presents an analysis of the system motives and images in the lyrics author.

Keywords: motive; image; poetics; art features.

В последние годы изучение региональной литературы становится все более актуальным, т. к. открывает перспективы изучения феномена провинциальной литературы, являющейся полноценной частью общероссийского литературного процесса.

Янис Грантс родился в 1968 г. во Владивостоке. С 2002 г. живёт в Челябинске. Публиковался в журналах «Знамя», «Волга», «Урал», «Крещатик», «День и ночь» и др. Лауреат Большой Независимой поэтической премии П (2008). Руководитель поэтической секции литературного объединения ЧТЗ им. Михаила Львова. Автор книг поэм и стихотворений «Мужчина репродуктивного возраста» (2007), «Бумень. Кажницы. Номага». Стихи Яниса Грантса включены в третий том «Антологии современной уральской поэзии», информация о нём – в «Энциклопедию УПШ» (2013).

По своей творческой стратегии Я. Грантс стоит между младшим и старшим поколением и имеет возможность наблюдать, воспринимать их поэтику, обращаться к историко-литературным феноменам. Суммируя и творчески перерабатывая опыт предшественников, своих старших и младших современников, Я. Грантс выстраивает поэтическую стратегию, адекватную стилистике новейшего времени.

В данной статье подробнее остановимся на поэтике второй книги Яниса Грантса «Бумень. Кажницы. Номага», в которую вошёл сборник стихов «Мужчина репродуктивного возраста». В заглавии книги раскрывается содержание. «Камень. Ножницы. Бумага» – детская игра, в которую, порой играют и люди взрослые, для того, чтобы сделать выбор. «Бумень. Кажницы. Номага» состоит из двух книг, причём начинается со второй: «Книга № 2. Музыка для беремен-

ных». Заканчивается, соответственно, книгой первой «Мужчина репродуктивного возраста». Такой принцип расположения частей, как отметила Екатерина Симонова, «создаёт необыкновенное ощущение карусели, которая самым непонятным, приятным и головокружительным образом начинает крутиться в обратную сторону» [1, с. 110]. Композиционное строение и заглавие демонстрируют игру с читателем, свойственную творчеству поэта.

Во многих стихотворениях Я. Грантса звучит мотив взрослой детскости, незащитности взрослого человека перед миром, наполненным кошмарами. Через детские страхи, через отчуждение автор обращается к тематике смерти. мотивы смерти и детства мифопоэтически сближены, становятся метафорой, демонстрирующей несводимость мира к каким-то общим понятиям и правилам:

*открывают птичьи клетки мертвецы.
разлетаются дрозды. щеглы. скворцы.
прижимает мишку плюшевого принца.
так, что пуговицы лезут из глазниц [3, с. 37].*

Мир агрессивен по отношению к человеку, даже находящемуся в утробном состоянии. Человек находится в вечном состоянии борьбы и противопоставления себя миру, от этого возникает усталость и желание безопасности и покоя:

*он замрёт в темноте, а труба пуповинная
будет гнать ему дым, будет – градусы винные.
и живот, как мембрана динамика вздуется
и певица в утробу закаркает с улицы [3, с. 10]*

Мотив маргинальности, неприкаянности повторяется во многих произведениях поэта, тем не менее, не придавая им трагической интонации, пафоса вследствие эмоциональной прямоты высказывания и использования карнавальной эстетики:

*я голоден орёт ребёнок
я продавлен орёт диван
ты последний шанс орёт святое имя
я вызову милицию орёт из-за стены старуха-процентщица
убей её орёт топор
стоп
у меня нет топора [3, с. 67]*

Карнавальность создаётся, например, появлением в тексте абсурдистского образа говорящего дивана, аллюзии на старуху процентщицу Достоевского, святого имени «пушкинагоголялермонтова», воплей ребёнка и совмещении всего этого шумного мира в рамках одной ситуации. Герой оказывается в отчуждённом, неприкаянном положении, когда его не понимают даже близкие люди:

*я последний шанс русской литературы
ору я
не смей осквернять своей блевотиной святое имя пушкинагоголялермонтова
орёшь ты [3, с. 67]*

Персонажи стихотворений (а вместе с ними и лирический герой) Яниса Грантса переливаются всеми возможными оттенками «инаковости» и марги-

нальности: от хрестоматийных, бедности и пьянства, до актуальных, инфантильности, безумия и различных малопривлекательных девиаций [6]. Через маргинальные мотивы, образы, персонажей поэт передаёт опыт страдания человека, жестокость и тяжесть реалий жизни.

Жизнь не просто прошла мимо персонажей творчества Я. Грантса, она втоптала их в землю, обернулась катастрофой. Мотивы неприкаянности, ощущения чуждости всего происходящего, неясность смысла жизни становятся ключевыми в поэзии Я. Грантса:

*дворничиха с метлой.
дворничиха незлой.
чтима теперь в миру.
пашет за конуру.
только бы не назад
в страшный Кишкамабад [3, с. 69].*

Свойственная поэту мучительная исповедальность опосредуется и нюансируется самоиронией и обращением к абсурду [6]. Главный герой в финале стихотворения остаётся глубоко несчастным внутри и искалеченным жизненными трагедиями. Смех в стихотворении «Тётя смеётся», как и во многих произведениях поэта, является единственным выходом из ситуации, казалось бы, безнадежной:

*мужа и сына похоронила выдала дочь за корсиканца
вот и придумала сланцы
вот и смеётся
кот о венозные ноги трётся
тётя смеётся
смеётся
смеётся
а что ещё остаётся [3, с. 51]*

Образ маргинала, атмосферу маргинальной жизни, жизни на грани, за пределами, жизни на обочине Янис Грантс создаёт, описывая условия быта, предметы, вещи, артефакты:

*мусоровоз
отнимает у них
вчерашнюю лапшу
спитые пакеты чая
сухой хлеб
они расходятся обещая вернуться [3, с. 141]*

В поэзии, наследующей традиции авангарда, одной из ярких особенностей является категория телесности. Человеческое тело, его строение и физиологические функции семиотизируются отдельными культурами [5, с. 202] не в меньшей степени, чем внешний вид или костюм:

*в их жёлтых глазах
отражаются
взлетающие контейнеры*

*в их щербатых ртах
полно ядовитой
слюны
их ноги
со вздутыми венами
прошагали до Луны и обратно [3, с. 141]*

Иногда абсолютизация тела доходит до такой степени, что само тело парадоксально трансформируется в «квази-знак». Символистская установка на житнетворчество, заимствованная футуристами, привела к предельной семиотизации телесного. Тело становится поэтической формой. Поэт закован формой, тем видом, что мы называем человеком [4, с. 145]. Стихотворение «Человек-тополь» – пример квази-знака:

*Не просыпаясь, чувствовать, что слеп,
Что веки заковал тяжелый снег,
Что ноги дали корни, проросли,
Что в венах – вместо крови – сок земли, [3, с. 136]*

В стихотворениях Я. Грантса телесность не всегда сводится к образу человека, но оказывается своеобразным, универсальным кодом, позволяющим осмыслить мир в его единстве и целостности.

Системой координат, знаков поэт представляет городское пространство, в котором живут его лирические герои, – улицы, по которым они гуляют, дома, в которых они живут, транспорт, в котором они ездят. Город напоминает «сценическое пространство, ограниченное декорациями» [2, с. 24] и различными предметами театрального реквизита:

*я вышел из починки. жгут костры
из листьев тополей на Руставели [3, с. 6];*

*шумит развал. галдят скамейки.
блуждают сытые семейки [3, с. 34];*

*трамвай восьмого маршрута
едет по воображаемым рельсам [3, с. 78];*

Городская жизнь воспринимается не как сплошной временной поток жизни, а как «дискретная череда мизансцен» [2, с. 78]. В стихотворении «Кировка» Я. Грантс через призму восприятия лирическим героем окружающей его среды, людей, пространства, описывает горожан, гуляющих по Челябинскому Арбату:

*подолом щекоча брусчатку
парит невестаюбкавмятку [3, с. 34].*

*усатый бард сдурел от скуки
он повыкручивал бы руки
всем пивопьющимрукивбрюки [3, с. 34]*

В стихотворении «Троллейбус» автор создаёт маргинальный образ горожанина-старушки, довольно распространённый во многих городах, в том числе

и Челябинске. Приметой именно челябинского текста выступает название остановки – «Станкомаш»:

*дышит одышкой. цветёт как самшит.
села в троллейбус. шуришит и шуришит.
шепчет. невнятно. и шарит ковшом.
в маленьком. среднем. побольше. большом.
с пола поднимет. уронит с колен.
свой бесконечный полиэтилен.
что ты там ищешь, смешная душа?
на «станкомаше» выходит, шуриша [3, с. 22].*

В этом стихотворении Янис Грантс мерит жизнь человека полиэтиленовым пакетом, тем самым показывая ненужность и незаметность человеческого существования. Лирический герой теряется в городском пространстве.

Поэзия Я. Грантса, в контексте творчества других челябинских поэтов, организует специфическое явление, названное современной литературоведческой наукой «региональный поэтический текст», поскольку отражает мозаичную панораму литературного процесса, развивающегося в едином хронотопе.

Библиографический список

1. Вещь: литературный журнал. – Пермь : Сенатор, 2010. – 124 с.
2. Голубков, С. А. Семантика и метафизика города : «городской текст» в русской литературе XX века : учебное пособие / С. А. Голубков. – Самара : Самарский университет, 2010. – 167 с.
3. Грантс, Я. И. Бумень. Кажницы. Номага : стихи / Янис Грантс. – Челябинск : Изд-во Марины Волковой, 2012. – 160 с.
4. Малевич, К. С. О поэзии / К. С. Малевич // Собрание сочинений : в 5 т. – М. : Гилея, 1995. – Т. 1. – 376 с.
5. Фарино, Е. Тело. Анатомия. Метаморфозы // Е. Фарино // Введение в литературоведение. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 321 с.
6. Филатоф, А. О стихах Яниса Грантса / А. Филатоф // Антологии современной уральской поэзии под редакцией Виталия Кальпиди. Т. 3. – [http://kulturaperm.ru/content/Ural's%20Antologia_Final\(1\).pdf](http://kulturaperm.ru/content/Ural's%20Antologia_Final(1).pdf) (дата обращения 15.12.2013).